

A woman with long dark hair, wearing a white sleeveless button-down shirt and dark trousers, stands smiling in front of a grand classical building with a portico of tall columns. The building has a balcony with a white railing and a large dome in the background. The scene is brightly lit, suggesting a sunny day.

Клара Архипова

**...и никогда
не сдавайся**

Клара Архипова

...и никогда не сдавайся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43201707

ISBN 9785005010896

Аннотация

Книга основана на реальных событиях, описывает воспоминания о жизни в семье и детском доме. Чувства, которые я испытывала и те ситуации, которые вынуждена была прожить, не оставят тебя равнодушным. Все имена, места, где происходили события, названы своими именами без каких-либо замен. Уверена, что такая история сможет тебя вдохновить, поможет тебе иначе посмотреть на многие вещи в собственной жизни.

Содержание

Предисловие	5
Родная семья – чужая я	12
Часть 1	13
Часть 2	20
Часть 3	27
Часть 4	31
Часть 5	44
Часть 6	49
Часть 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

...и никогда не сдавайся

Клара Архипова

© Клара Архипова, 2019

ISBN 978-5-0050-1089-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я посвящаю свою книгу своим старшим брату Александру и сестре Надежде.

Александр стал кормильцем нашей семьи. Он делал всё возможное для каждого из нас, защищал и заботился как мог. Спасибо тебе, любимый мой брат, Саша.

Надя открыла мне мир, полный чудес и волшебства, всегда верила в меня, принимала меня такой какая я есть, защищала от других и ставила меня в пример младшим. Она замечательная мать, жена и самая понимающая сестра. Спасибо тебе, дорогая моя Надя.

А также, я благодарю своих первых читателей, которые своими отзывами и комментариями помогли писать. Спасибо!

Здравствуй, дорогой читатель!

Данная книга написана на основе реальных воспоминаний, которые я старалась хранить все годы своей жизни. Они раскроют историю жизни большой семьи, одной из тех, что считаются неблагополучными в России.

Эта книга написана на волне позитива. В ней описаны разные воспоминания и моё личное детское восприятие всего что тогда происходило вокруг меня.

Эта история вовсе не о том, чтобы кого-то обвинить, и ни о том, чтобы пожаловаться на свою жизнь или судьбу, окружение или чего и кого бы там ни было ещё. Нет мой читатель. История эта написана для того, чтобы мой читатель, смог мысленно погрузиться в те далёкие времена, в душу того ребёнка, которым была я и почерпнул для себя то, что может вдохновить и воодушевить, высвободить чистую энергию и поможет переместиться на новый уровень осознанной жизни.

Но я не рекомендую читать книгу тем, кто негативно относится ко всему на свете, и кто во всём видит только плохое. Потому что описания, что изложены в книге, могут лишь усилить вашу отрицательную сторону. Ведь в жизни – на чём фокусируешься, то, чаще, и происходит. И, если во всём видеть только плохое, то как минимум, можно уйти в глубокую депрессию.

Книга написана в позитивном ключе, постаралась, как можно ярче и детальнее описать чувства и состояния, в которых находилась, чтобы можно было всё чётко вообразить. Эта книга про жизнь.

Живя в сложных условиях, а они были именно такими для меня, и не имея власти ни над собой, ни над своей жизнью, не имея перед собой примера для подражания и того, кто бы поверил в мои силы, того, кто бы рассказал, что такое ответственность, уверенность, вдохновил и поддержал, я всё равно верила, что однажды в моей жизни обязательно всё из-

менится. И, так жила не я одна, несколько поколений, жило примерно также, только у каждого своя история. Но я верила в лучшее. С каждым новым ударом судьбы обретала всё больше и больше уверенности в том, что для этого мира нет ничего невозможного, и, что мои шансы на успех и счастье только увеличиваются.

Я давно забыла о чём мечтала по-настоящему, потому что мои мечты были на столько волшебными, необычными, что раздражали окружающих. Стоило мне только озвучить всё, что бродит в моей голове, как тут же нужно было менять место «локации», подобно снайперу, ведь в ином случае, мне грозила опасность, вплоть до полного уничтожения моей мечты. И, тем не менее, несмотря ни на что, огонь желаний во мне не угасал. В глубине моей души всегда оставались угольки мечт, которым было суждено однажды вспыхнуть и разжечь пламя во мне.

Во мне жила Надежда, и это было не только состояние души, но и реальный человек в моей жизни – моя старшая сестра.

Не знаю как давно, но я действительно думаю, что несмотря ни на что, какой бы ни была трудной жизнь, в какой бы семье не родился, где бы не жил, где бы не воспитывался, и т д, в жизни всегда есть то хорошее, за что можно ухватиться, на чём можно сфокусироваться, благодаря чему можно встать на ноги с коленей. И не важно, что стало причиной того, что ты оказался на них.

Я могла бросить всё и опустить свои руки, и, навсегда отказаться от той жизни, о которой мечтала. Но нет! Мне было сложно признаться, что то, над чем смеются другие, что вызывает у них сомнения для меня есть смысл жизни, и ради него я готова на всё.

Я годами набиралась храбрости, стреляла словами о своих пожеланиях и быстро меняла позицию. Мне было страшно, потому что слова из уст других, направлялись в моё сознание, уничтожали мечты и разрушали мой мир. Набравшись смелости и понимая, что если не прямо сейчас, то уже никогда, я приняла решение, что моя мечта имеет право на жизнь. Видимо в тот момент, когда решила, что, отныне, в моей жизни нет и не будет ничего невозможного, что-то изменило мой мир.

Не важно, как: падая, спотыкаясь, ускоряясь, замедляясь, на своих ногах или ползком, один или с кем-то, главное, что ты идёшь вперёд. Главное двигаться. И именно это и есть то самое классное, что может быть. И если, тебе не удалось ещё отыскать свою цель, не удалось понять смысл жизни, отыскать своего предназначения, не стоит опускать свои руки, разрушать себя и свою жизнь, придёт ещё, главное имей силы всё пережить.

Поиск может значить только одно, что ты и есть тот самый счастливчик, который однажды испытает это волшебство.

Я тогда оглянулась вокруг и запомнила, как всё выглядело, потому что осознала, что его уже никогда не будет в моей

жизни, мне открылось волшебство, и теперь, я вспоминаю с улыбкой всё, что довелось пережить. Я стала другим человеком, потому что смогла пережить. Мои стремления привели к результату, которого сильно желала. Внезапно. Как только стал готов мой разум.

Так будет и с тобой, если ты также веришь и сильно желаешь, а пока не теряй времени, освободи свой ум от тревог, прочти мою книгу. Возможно, именно она станет тем самым ключом, и ты откроешь ею двери в чудесный мир, где нет ничего невозможного!

Я не сторонник тех, кто считает, что жизнь – это борьба, или что жизнь есть страдание. Мне нравятся считать, что жизнь – это путь, процесс, движение, поток чистой энергии, исходящий из мира, и проходящий сквозь нас.

Как мы будем проживать каждый день, строя свою жизнь, с каким настроением распахнём двери в этот мир, как ко всему будем относиться, как будем решать задачи, которые предложит нам мир, к каким выводам будем приходить решать только нам. Ведь всё это в итоге определит, какая у нас сложится жизнь, и какая личность получится из нас.

Научиться отдавать стало лучшим умением из всех, что я обрела. Копить и излучать энергию, и заряжать ею окружающих людей, и ничего не ожидать взамен. От жизни можно получать только одно – удовольствие, но прежде, этому нужно научиться. Это моё мнение, и я действительно так думаю.

Существует множество вариантов получить удовольствие,

но всем уже известно, что не каждый из них является источником энергии. Это умение приходит внезапно, как озарение.

В один прекрасный день вся жизнь может полностью измениться и стать экстраординарной, даря такую же энергию и забирая к себе в свой энергетический поток, освобождая разум от всего, что раньше беспокоило и тяготило. Тут всё зависит только от нас. Мы сами выбираем.

В жизни есть тысяча причин, чтобы радоваться и ради них жить, тысяча дней и ночей, а то и больше для того, чтобы осознать ощутить и понять свою цель. Не ту, что пытаешься сформулировать, глядя на тех, кто пишет об этом, а ту, что приходит изнутри и даёт тебе смысл жить. И может показаться, что она возникает из ниоткуда. Но, если оглянуться на свою жизнь и увидеть смысл во всём понимаешь, что ради такой цели стоило всё пережить. Я благодарна за свой путь и свою жизнь, потому что поняла, что мой путь, это живи, люби и никогда не сдавайся!

Дорогой читатель, нам предстоит неоднозначный, в плане эмоций и чувств путь, мы отправимся в искалеченную душу ребёнка, поэтому запасайся носовым платком, валерьянкой, а можно и стопочкой, если это будет нужно.

Я негативно отношусь к алкоголю, поэтому пишу эти строки только лишь ради шутки. Ко всему пережитому предпочитаю относиться спокойно: да, это было, но оно давно ушло, как вчерашний день. Да и какая разница, что было

в прошлом, когда ты живёшь настоящим и ты в нём так счастлив!

Не принимай ничего близко к сердцу, пусть всё изложенное отныне принадлежит этой бумаге.

Итак, читатель мой, ты готов к путешествию? Что ж, тогда идём со мной туда, где к моему счастью, больше мне не придётся бывать никогда.

Родная семья – чужая я

Часть 1

Моё детство, как у тебя и у других было разным.

Воспоминания начинаются со старого дома. Это был по-настоящему забытый временем домик. «Убитые» ставенки, завалинка, кривые стены, прогнившая и поросшая мхом крыша. Тот дом мне сильно запомнился, он как будто был уютным. Стоявший посреди обильной зелени, окружавших его усадеб, и, окутанный душистыми ароматами полевых цветов.

Лучший Новый год в своей жизни мы праздновали именно здесь, в этом доме. Был богатый стол, всё было красиво украшено, стояли конфеты, их было очень много. Сладко пахло мандаринами. Стол был высоким и до него было не дотянуться. В нас бегала радость, подпрыгивая и веселясь, как ребёнок.

Старшей сестре запомнилось, что у нас тогда была живая ёлка и она стояла достаточно долго. Когда спали на диване, игрушки изредка срывались с засохших веточек и падали на пол, разбиваясь от удара. Это было так волшебно.

Дед Мороз подарил много классных игрушек. Тут были пупсы для меня и сестры, и игрушки, и даже детская посуда. Мама подписала на ножках пупсов, Наде Ваня, а мне Маша. Чтоб мы не ругались и не путались. Ну, и хорошенькими же они были. Были белки-качалки, милый мишутка, сделанный

из пластмассы, ёжик, юла и много чего ещё. Но самой классной игрушкой была каталка «Три поросёнка». Такая весёлая штука, катишь вперёд, внутри подпрыгивают один за другим поросята.

Кухонный сервис был в большой коробке, это, ещё больше вызвало нашего восторга. Мы, конечно же, сразу с радостью побежали играть, как вдруг отключили свет. Сидим с ней ждём, а света всё нет, а нам так играть хочется и поскорее.

Запомнилось, как мы с мамой пельмени лепили, это было так здорово, она разрешала помогать, а нам только этого и надо, в детстве такое занятие, казалось очень интересным, да и приятно потом искать в тарелки свои пельмени. А когда мама варила холодец, мы сидели рядом и ждали, когда она даст нам косточки.

Случай. Мне тогда было около двух лет. В те дни у нас окотилась кошка. Маленькой была и потому легко могла прятаться под кровать. Казалось, что это самое безопасное место на свете. И не представляешь каким счастьем было для меня, увидеть там, однажды, маленьких миленьких котят! Мы со старшими братом и сестрой кормили их из пипетки, советской, с очень прочным стеклом и толстой резинкой.

В те годы мы жили вчетвером: мама, старший брат Саша, старшая сестра Надя и я. Моим именем было Алёна. Мама оставляла меня на старших и куда-то уходила.

Летом, солнечным днём, среди белого дня, что-то, внезапно и ни известно откуда, страшно загрохотало, да так сильно!

Я в это время играла в доме. Ух, всё ещё помню это ощущение ужаса, когда просто не понимала, что и откуда. Моё тело бросило в дрожь, не знала куда бежать. Мама была на улице, стирала бельё. В панике побежала из дома. Яркий дневной свет ослепил. Остановившись на пороге дома, держась своими ручками, словно ища защиты, за покосившейся дверной проём, я замерла от увиденного.

Прямо над нашим домом летели чёрные громадины, издавая грохот, который, как казалось мне, отражается словно рябь на воде в моём сердце. Это летели пожарные, обгоревшие до черноты, вертолёты с пожара! Не сумев совладать с теми чувствами, которые охватили моё детское сердечко, я забежала в дом и в считанные секунды спряталась в самое безопасное место на свете – под кровать.

Больше никогда не видела ничего подобного в своей жизни. Меня это так впечатлило, что, когда была очень высокая температура, в первый год моей жизни там (она под сорок была), я бредила этим грохотом. Это любовь.

В висках давило, грохот всё раздавался и раздавался, всё громче и громче и под этот грохот растворялась в своём бреду, всё больше и больше, словно зависла в том измерении, на века, застряла в мгновении. Не знаю, доводилось ли тебе, когда-нибудь ощущать подобное. Словно паришь над собой.

Я была готова навсегда уйти из этой жизни. Покинуть всех. Прочитав эту книгу, ты поймёшь почему тогда об этом думала. В бреду своём видела огромнейшие штуки, похожие

на гигантские механические «шестирёнки», которые двигались, вздрагивали, выпуская волну и издавая такой же сильный грохот, какой идёт от запуска вертолётa или огромного трактора. Волна глушила меня. Это то, что теперь восхищает и заряжает меня безумием. Грохот манил меня, я шла, протянув руку прямо к этим громадинам. Но чей-то настойчивый голос вытащил меня из бреда.

Кто это был и где я тогда была ты узнаешь дальше по ходу рассказа.

Влюблюсь в разного рода громадины: полюблю всю сельскую и строительную технику, вертолётy, мотоциклы, трансформеры и всякие сложные автоматизированные механизмы. Завораживает уже один только вид.

Помню, как я любила гулять, и до сих пор, и не отказалась бы погулять, и сейчас, со старшей сестрой Надей. Для меня это были не просто прогулки, а целые путешествия!

Хотя Надя не всегда любила, что я за ней ходила. Она всячески пыталась избавиться от меня. Так почти все старшие делают. Вспомни, было ли у тебя такое, если являешься старшим?

Республика Бурятия, Прибайкальский район, село Кома, конец 80-х, колхоз. Село было основано в конце XVII века, как казачье поселение к востоку от Итанцинского острога. В советское время – центральная усадьба крупного колхоза им. Сталина.

Маленькие бродяги. Иначе эти действия и не назвать. Мы

гуляли по разным усадьбам, одна усадьба переходила в другую.

Пред нами картина: две девочки, одна поменьше, другая побольше, высокая трава, кругом зелено и красиво, идут не известно откуда и куда. Одна другой что-то бесконечно болтает, вторая идёт следом, рассматривая внимательно то, что показывает первая.

В пути моя сестра всегда рассказывала мне интересные истории, которые сама придумывала на ходу. И откуда столько всего волшебного было в её детской головушке!

Ведала мне истории о больших замках и королевствах, о том, что они были заколдованы и находятся, где-то там за усадьбами.

Рассказывала о необычных местах и их обитателях, волшебных деревьях с сочными плодами, разных вкусах и о наикрасивейших цветах, что растут в садах, тех замков.

Она знала все волшебные травы, словно сама была волшебницей, и знала, какие они придавали необычные свойства.

Знала всех обитателей лично и часто рассказывала, что они могут появиться только перед избранными.

Она была фея, неземная, красивая, независимая и очень смелая. Восхищала. Именно такой мне виделась в те годы моя сестра.

Мне так хотелось уйти за эти дальние дали, так хотелось, хоть чуточку отведать тех вкусов, которые я вообража-

ла. Хотелось быть на столько хорошей, чтобы те обитатели появились и предложили дружбу. Мне грезилось, что там будут любить меня.

Да, это были, всего лишь на всего, детские фантазии моей сестры, но не для меня! Никто не мог предположить какой мир эта фантазия во мне создаст. Я со всей страстью слушала её рассказы. Каждый раз ждала нового путешествия и верила, что однажды, мы выйдем на замок, сестра познакомит меня с обитателями тех необычайных мест.

И когда мне было особенно тяжело, воображала, что наступит время и я побываю там. Ничего не боялась, гуляя с сестрой. Даже тех чудовищ, о которых она говорила, потому что знала, что Надя рядом и спасёт меня.

Усадьба. И ещё усадьба. Жарко, а дом ещё не видать. Опять далеко ушли! Но я была готова терпеть что угодно, только бы тихонько шагать за сестрой и слушать её волшебные истории.

Искренне верила в каждое её слово. Каждый раз надеялась, что именно в это путешествие мы попадём туда. Расстраивалась, что не успели дойти, придётся возвращаться и успокаивала себя тем, что когда-нибудь обязательно дойдём.

Как-то, нашли в траве какой-то череп, он был какого-то животного. Но и восторга в нас было!

Там было очень красиво. Помню, как пасху праздновали. Мама покрасила яйца в луковой шелухе. Яиц было много.

Мама, если что-то делала, то делала всегда очень качественно. Такие яркие были! Мы брали их и бежали на край усадьбы, потому что там была горочка, которая плавно спускалась к небольшой речушке. В речку окунали свои косы, подобно русалкам, ярко пахнувшие ивы, растущие по её краям. На вершине ставили на старт яйца и пускали их, и смотрели у кого быстрее добежит до речки.

Однажды, уже взрослой молодой девушкой, окончившей университет, я вдруг пойму, что живу в потустороннем мире, далёком при далёком от реальной жизни и не поверю в это, несколько лет буду жить в состоянии отрицания реального мира.

Часть 2

Как многодетной семье нам дали дом. Мама сама его штукатурила, красила и что-то там ещё. Одним словом, дом был без отделки, поэтому работы в нём было достаточно. Но, как помнится мне, его быстро привели в порядок.

Для меня это был огромный новый дом – целый особняк, казалось. Хотя на самом деле – это был просто двухквартирный дом. Мы получили квартиру. В ней было много комнат.

Наши соседи, были хорошие люди. Но «почему-то» они как-то плохо стали относиться к нашим родителям, но при этом хорошо относились к нам. Угощали нас. Бывало, что мы с сестрой к ним за водой ходили, у них был электрический насос.

Надю тогда током ударило, и она на моих глазах вытянулась по стойке смирно, солдатом упала назад и тут же встала! 220В! Сосед ей в руки дал две вилки и сказал не соединять. Не знаю зачем, но она их соединила. Невероятно, но факт! Сестра осталась жива. Сосед выбежал из сеней, не веря своим глазам. Наверное, сама Вселенная оберегала нашу семью все годы.

Отчим тогда съездил за кедровыми шишками в тайгу с мужиками. Поэтому могу поделиться тем, что в моей жизни была комната, на половину заполненная чистыми кедровыми орехами. Для меня это были горы, которые были анало-

гичны горам золота Дяди Скруджа, из мультфильма «Утиные истории».

Мы делились орехами с соседскими детьми. Играли вместе. Мне запомнились игры в «пробки». А ещё, запах помады и несколько кукол. Играли «в семьи». Соседи в свою, а мы с Надей в свою. Хорошее было время.

Брали стаканы и ставили к стене, слушали соседских ребят, это они нас научили такому трюку. Так и общались между собой. Кровати стояли возле стены. Накроемся одеялом, вооружимся стаканом. Звук получается глухой. Нам это было интересно. Современные бы дети использовали рацию или телефон. А мы гранённые стаканы.

На пластмассовые крышки от банок щёлкали орешки и из ядрышек составляли разные узоры. Затихнем на какое-то время, а потом, соберём всё в горсть и кушаем, это так было вкусно! Узорами делились друг с другом, показывали, мол смотри, что получилось. У кого краше!

Я тогда вечерами с отчимом и теми мужиками любила сидеть у маленькой железной печке, что стояла на улице. С большим удовольствием слушала их рассказы о тайге. Верила во всё. С открытым ртом сидела. Мужики, как известно, в таких рассказах любят приврать. Меня выгоняли, бывало, что говорили плохое, но я старалась о том очень быстро забывать.

И вот, в моём воображении рисуются картины: медведище, который свирепо раскачивает кедр. Железная храбрость

мужика, сидевшего на нём. Ружьё, упавшее с него. Охотничье геройство.

Вдохновлённая рассказами, когда увижу в фильме царскую охоту очень её полюблю. Да, бедные зверушки, но сама охота в фильме была прекрасной. Оттуда же мне нравятся борзые. У меня осталась любовь по сей день к охотничьему искусству.

Я и на рыбалку с мужиками ходить любила. Тогда уже младший брат был, отчим его везде с собой брал, ну, а мне-то тоже интересно. Пошли вчетвером, отчим, братья и я. Бегаю на перегонки с Толей от одного к другому, рыбку с крючка снимаю и в ведро её несу.

Было ещё и так, мы с Надей насмотрелись мультиков, загорелись идеей фикс и с воодушевлением побежали искать зонтики. Не поверишь зачем! Нашли, один ей, другой мне. Залезли на шкаф, да, повыше и давай оттуда прыгать. Идея возникла внезапно. Одна на две головы. Так, что я уже тогда убедилась, что невозможно летать на зонтике также, как Мэри Поппинс. Только зонтики поломали. От мамы получили. Оставили дом без зонтов. И это в то время!

При доме у нас была огромная ограда, то есть двор. В деревне её называли ограда. Большие сени (веранда), широкая лестница, покрашенная коричневой краской с двух сторон, образующая лестничный угол и ведущая в дом. Мне наш новый дом виделся дворцом. Не хватало только красной ковровой дорожки и корон для родителей.

Весь двор был в зарослях травы лебеды. Она была намного выше меня. Ходила между этими зарослями, отодвигала их своими маленькими ручками в стороны и пела: «ох, лебедох-лебедох, не дают жирафу воды». Откуда эти строки и почему жирафу, не знаю, может сама выдумала, но песенку и её мотивчик запомнила на всю жизнь. Потом, когда всю траву скосили во дворе, постепенно начало всё меняться, началась стройка.

Появился маленький огород, потом, построили стайку для коровы, там же, помнится держали свиней. Построили амбар, кладовку, баню, зимовье.

Запомнилось, как мы бегали по крышам тех построек, прыгали с этих крыш. За нашим двором картофельное поле было. Помню, как испытывала ощущение сомнения, находясь в состоянии раздумья, когда стояла и собиралась прыгать. Запомнилось, потому что долго думала над тем, сломаются мои ноги или нет. Когда спрыгнула почувствовала резкую боль.

В том амбаре хранился мой велосипед. Сначала у меня был «букашка», а потом подарили «муравья». Странно, что его так называли, он мне больше напоминал осу. Ещё, у нас большая голубая железная машина была. В ней две педали. Качество запомнилось. Хорошо сделана была.

Вокруг дома были большие картофельные поля: за домом поле, и перед домом, и через дорогу поле. У нас было два, одно через дорогу и одно, где-то далеко, вот про него-то и на-

пишу, рассказывая про случай с «камазом».

Сделали грядки, мама посадила редис и другую мелочь. Сажали вместе. Мама показывала как делать углубления и бросать в них по одному зёрнышку.

Редис мне очень нравился внешне. Красивый овощ. Кругленькая, сладенькая, сочная редиска! А с белым хлебушком и вовсе объедение было! Особенно когда долго есть нечего.

Грядки были у окон с одной стороны дома, на них выходили окна кухни и нашей спальни, а дальше, треугольником в несколько рядов росла картошка. Я не понимала, зачем нам так много картошки? Мы её всё сажали и сажали. Поля огромные, жара.

В общем, во дворе территория была большая. Он был поделён на две части, которые разделяли маленький заборчик и красивые крупные цветы георгинов. На одной стороне был маленький огородик, на другой зимовье, баня, а между ними тропа, которая упиралась в амбары и стайку. Цветы георгины были зелёной изгородью. Красиво во дворе было.

Старший брат с сестрой «пошутили» надо мной, сказали мне, чтобы я сунула пальчик в цветок, когда там сидела оса. Я так и сделаю, не помню в деталях, как это случилось, они мне помогли или сама. Жалко осталось в моём пальчике. Такое ощущение было, всё, что старшие ощущали на себе, старались показать и мне. Так узнала новое для себя ощущение. Моя детская наивность опять подвела! Я давно уже понимала, что со старшими все шутки – это толстые «мишутки»,

но опять попалась на их уловки.

Как-то мы играли в магазин в нашем дворе. Построили огромные прилавки. Кирпичи, палки, кара от деревьев, шифер, пустые консервные банки – всё лежало на этом прилавке. Надя была продавцом, я не помню зачем, но мы с Сашей вышли из-за ворот. Брат нашёл чёрную лапу. Это была часть лапы и это была не игрушка – настоящая лапа от собаки – мертвечина. Старший брат завернул её в газету, сказал Наде отнесём. Не было отвращения и ужаса. Лапа и лапа. Он её спокойно взял. Ну, и я спокойна. В общем, сказал молчать, говорит это сюрприз. Круто, сюрприз!

Мы вошли в ворота. Надя довольная, как продавец, встретила нас у прилавка и предложила нам товар. Брат отдал ей свёрток. Помню, как она бросила её и завизжала, такое было ощущение что она сейчас взорвётся от ужаса. Это было настолько ужасно, наверное, именно в тот момент поняла, насколько это было страшно. Я не испытывала ещё такого. Это была не шутка, и даже не сюрприз.

У старшего брата иногда были очень злые шутки. Причём они появлялись внезапно. Было ещё много моментов, которым была свидетелем, но это лучше опустить. Всё было настолько не приятно, поэтому позволь, читатель, остальные оставить далеко в прошлом.

Потом, родители возьмутся делать насос и в ограде, прямо рядом с домом, экскаватор выроет глубокую яму. Между домом и обрывом маленькая тропа, я буду, опираясь о дере-

вянную стену дома геройски ходить по краю обрыва. Холодок по спине, когда это пишу, а тогда было нормально.

Там же будет вход для того, чтобы забраться под дом. Волшебное место. Я любила там проводить время. Залезаешь в темноту и видишь перед собой коридорчик, который испи-сан полосками света – лучами солнца, проходящими сквозь доски – обделкой дома. Там был мир, портал, через который я выходила в мир своих грёз.

Однажды я расскажу младшему брату то, во что свято ве-рила сама, то, что часто воображала. Историю про необыч-ных существ, и что, если он полезет со мной, они нас угостят арбузом. Братик не увидит мой мир и назовёт меня врушей. Мне будет очень неприятно, ведь надо мной начнут посме-иваться дома.

Мама мне не верила и всегда отрицала то, что я говори-ла, что видела. Мне не верили. Только от этого мои видения не уменьшались, их, наоборот, становилось всё больше.

Часть 3

Помню себя, вечер, родителей нет, мы все ждём их. Когда очень долго кого-то ждёшь и не знаешь, он придёт или нет, возникает ощущение ненужности и брошенности, именно оно и возникло во мне. Тянущееся время.

Попытки успокоить и развеселить младшеньких. В доме темно. Близится полночь. Нас много. Все голодные, никто не спит.

Я стою на кухне и смотрю в окно. Из окна видна заправка, туда подъезжают лесовозы. Фонари жёлтые горят, так тускло-тускло. На душе скребут кошки. Я уткнулась носом в стекло и замерла так, продолжая наблюдать за тем, как качаются цепи, на столбах кузова лесовоза. Наверное, утром они поедут за лесом. Мучительное ожидание: когда же наконец родители придут.

Было, что, когда построено ещё ничего не было, только шла подготовка, во двор привезли кучу песка. Лучшей песочницы и выдумать нельзя было, много тогда там наших мелких игрушек «полегло». Я очень любила игрушки.

Маленьких сестёр ещё не было. Мама купила нам с сестрой новые игрушки, помню это. Она всегда старалась купить одинаковые. Сестре набор розовых зверушек и мне таких же! Ей кота в сапогах и мне такого же. Ей куклу, ну, и мне тоже!

Я свои игрушки берегла. Не помню кто, Надя или брат,

в общем, кто-то из них пупса сломал, он на резинках был. А второго, что был у меня, мы с Надей сломали, она крутила ему ножку, фокус мне показывала, резинка в какой-то момент раз и не выдержала, лопнула. Вот у меня слёз было. Убить готова была за её фокус. Последний пупсик в нашем доме. Собрать этого пупсика мы не смогли.

Очень любила играть в игрушки: выстрою в ряд и передвигаю по одной свой «паровозик» по квартире. Путешествовали по всему дому, из угла в угол. В те годы наша родная бабушка умерла, возможно, я это картину видела на похоронах. Под столовый стол придём с моими игрушками, там мама что-нибудь готовит, осторожно руку подниму наверх, она мне в неё, что-нибудь в неё вкусное положит – я дальше играть.

Потом Надя у меня игрушки просила. А мне свои жалко, уже растеряли много, я всех одинаково люблю, как же могу отдать их, они же скучать без меня будут! А сестра всё просит «ну, хотя бы мишку дай». Мишка был просто милашка, синего цвета, пластмассовый, лапку во рту держал. Смотрю на мишку, а он мне головой в стороны, не хочет мишка идти к Наде. И зайка не хочет. И рыбка тоже. А ёжик тем более не пойдёт. Говорю ей, что нет у меня свободных игрушек. Ну, так Надя на абордаж, силой возьмёт!

Было, что не было ни одной игрушки. Такое тоже было. Мужики строили зимовье и деревья тесали, много баклуш было и срубов, я не знаю, как они грамотно называются, опи-

шу так, там откуда растут ветки, топором срубали и получались щепки с глазком.

Ну, так я, баклуши, что побольше снизу положу, а те, что поменьше наверх поставлю, камнем, насквозь вобью гвоздь, который найду на стройке и моя машинка готова! Мне нравилось делать дорожки на земле, среди зарослей травы и играть в дорогу. Получалась саванна. Ползала бы и ползала за своими машинками. Специально пораньше просыпалась и уходила играть.

А щепки с глазком у меня были рыбками, я в рыбалку играла. Делала большой крючок из алюминиевой проволоки и привязывала его на верёвке к палке – удочка. Мне шёл четвёртый год.

Когда маленькие сестрёнки родились игрушек уже почти не было. Брала одежду, набивали её всем, что в кладовке находили и делали кукол. Ими и играли.

Ещё, мы на стройке других домов играли, на нашей улице дом строился. Бегали по строительным лесам. В «догоняшки» играли. Опасности нас подстерегали во всех углах. Но какая-то неведомая сила постоянно спасала нашу семью.

Вот из огня вытащила старшего брата, а вот уберегла старшую сестру, упавшую с открытыми ножницами в подполье. Сохранила мою жизнь, когда я чуть не перерезала свои вены, слетая с железной штуки с острым краем и ощущая, как она рассекает мне сгиб голенища. Вот сбережённые пальчики младшей Ириши, которая затолкала их в разбитое гор-

лышко бутылки. Много пережили.

Угар – после которого все выжили. Голод, который мог ослабить и унести любого. Болезни. А вот и наши попытки с братом растопить печь, огонь просто выпрыгнул из печи, а мы под замком. Жуть, да и только! Но мы выжили! Тут сомневаться в чудесах этого мира точно не будешь!

Часть 4

Дом находился рядом со зверофермой, она была «почти» через дорогу. Выходишь из дома на нашу улицу, за воротами дорога шла, и сразу направо. Идёшь по дороге прямо, около километра вперёд, проходишь всю улицу и выходишь на ещё одну дорогу. Наша улица врезалась в неё, словно ножка буквы «Т», сворачиваешь налево и прямо-прямо, там и будет ферма. Её было видно из окна нашего зала.

Ферма огромная была, часть её находилась параллельно с нашим домом. Но между ней и домом было картофельное поле, поделённое на несколько участков и, которое начиналось через дорогу от нашего дома и упиралось в ферму. Уже не помню сколько там соток было, наверное, около десяти или больше, тогда про такое понятие знать-то не знала, но мне те поля казались достаточно длинными. Мама на ферме работала дояркой. Хорошая работа для деревни.

Сначала, мне показалось, что мы жили очень хорошо. Родителям на свадьбу подарили много добра. Помню мамину шкатулку с украшениями, мы её любили со старшей сестрой, ставили перед собой и перебирали одно за другим украшения. Интересно было и не понятно, почему золото большая ценность. Покрутила и бросила в шкатулку. Так и не поняла в чём его прелесть, ничего красивого в нём не было.

Нравилась мамина бижутерия, она напоминала мне вол-

шебные ягоды. Плетение на бисерном украшении очень увлекало меня. Могла часами рассматривать.

Ещё мне нравился мамин женьшеневый крем. Хотелось намазаться, быть, как мама. Думается мне, что я не единственная девочка, которая засматривалась на все секретки своей мамы.

Мама была обычной деревенской женщиной. Мне она запомнилась трудолюбивой. Одевалась безвкусно, как бабка, много курила, пила, всё время была занята, если не пила. У неё был постоянно задумчивый замученный вид. Если засмеяться рядом с ней, начинаешь выглядеть глупо. Особенно она пугала, когда наказывала за что-нибудь. Редко её можно было увидеть счастливой.

С годами только и видела, что она выглядела всё хуже и хуже. Подобие образа можно увидеть в забитых безвольных служанках какого-нибудь старого фильма. Когда видишь, как с годами служанки стареют и всё больше беднеют. Однако, её яркие синение глаза на долго врезались в память. Над столом фото висело, там она русской красавицей была.

Мне всё больше и больше казалось, что ни у меня, ни у неё нет никакой защиты. Уверенность, которая когда-то была в ней куда-то исчезала. Мама больше не могла защитить, её саму надо было спасать. Я не могла, как старшие брат и сестра защититься за неё. Куда там, я ведь, как маленькая муравьишка была, худая и очень слабенькая, боялась ударов.

На кухне стоял круглый стол. Над столом висели какие-то

фото и сувенир из пластмассовых ложек и вилок – подарок родителям на свадьбу. Рядом стоял светло голубой букет. Сестра качала его, запугивая нас. Однажды он полетит на неё, но вовремя мы его поймаем.

Надя тогда «отжигала». В неё бес вселился. Хотя, если посмотреть взрослым взглядом, она просто хотела любви и внимания. Она будет изображать, что наелась белены и сошла с ума. Стояла на кухне и хлопала крышкой стола. Я не знала, как реагировать. Не знаю, что она воображала, мне это было очень неприятно. Она ж мне виделась совсем другой – феей из доброй волшебной страны.

Ещё Надя нас пугала, как будто умерла. Мы бежали к ней как муравьи и пытались поднять её. Делали всё, что она просила, только бы была жива. А она хитруша уже заранее ждёт, нравилось ей, как мы носили её. Когда ей надоедало или когда мы сделаем что-то не то, она резко подскакивала, вводя нас в шок. Помню, как я стала и не знала, она сейчас обзывается будет, бить или толкать. Дети, что поделать!

Мама при мне раскладывала подаренную им на свадьбу посуду. Я радостно любовалась каждой чашечкой и тарелочкой. Они были голубовато-серыми, прозрачными с белым рисунком пересекающихся линий. Предложила ей помочь, хотя боялась, что разобью. Мама разрешила, и я с удовольствием помогала, во мне радостно бегало счастье, держа крепко блюдце, я аккуратно перекладывала их на стол.

Мне казалось, что у нас было всё, что нужно для счастья.

И даже больше, коровы и свиньи! Даже кони были! А вот счастья в маминых глазах я не видела.

В те годы мы начали жить действительно хорошо, был конец 80-х.

В то время уже во дворе построили зимовье, мне нравилось залезать на крышу и мерить там туфли, их было видимо не видно. Мама ругалась, только я всё равно лазала туда и мерила. Зимовье было сделано из срубов, мы как-то ловко карабкались по ним, словно скалолазы. Правда никакой страховки не было в отличие от них.

Надю брали в поездки, а меня нет. Она ходила с Сашей в лес ставит петли на зайцев и видела горку. Зайцев они не поймали. Но от её рассказов у меня кружилась голова. Брат обещал взять меня тоже. Необыкновенные горки, говорила Надя и в моём воображении рисовалось, гора, которая сначала взлетает вверх, а потом несёт тебя вниз. Мне не терпелось всё увидеть самой. Ещё Надя переплывалась с мамой на пароме через реку, обычное дело, но для нас, это великое «колумбовское» путешествие. У Нади тогда шляпка улетела. Мне казалось, что она переплывалась на большом пароходе через океан. Она была у родственников в гостях и рассказывала про их животного и кривые полы – всё это вертелось в моем воображении.

Помню, я была в гостях у дяди Валеры. Старший брат матери. Он жил с женщиной, у которой была дочь. Я так хотела к кому-нибудь в гости, меня сводили в добром смысле с ума

рассказы сестры. Мне тоже хотелось. И вот я тоже в гостях. Спала на раскладушке. Необычно. Для меня счастьем было. У той девочки была отдельная комната кукол!

Меня подняли рано утром, мы возвращались с матерью. Я вышла из дома и пока ждала машину, подняла голову наверх. Запомнилось чёрное небо, его бесконечность просто раздавила меня. Я испугалась и опустила глаза. Необыкновенное чувство, внезапно понять, на сколько ты крошечная для этого мира.

А ещё, мне запомнилось, как мы ели щи деревянными ложками. Сидели на веранде, Саша, Надя. Были открыты окна, я наслаждалась щами, такие вкусные были ещё и с привкусом от деревянной ложки, это просто не описать словами, я была очарована той атмосферой и Луной, на которую пристально смотрела. Вспоминаю, как волшебный сон. Это было очень давно. Мы были у бабушки с дедушкой.

Наши дедушка Алексей и бабушка Надежда жили в с. Батурино. Бабушкина фамилия была Батурина. Она была местная. Родные рассказывали, что деду его семья за то, что он женился на бабушке объявила бойкот и не общалась с ним. Надо же, а я ведь забуду эти чувства, что когда-то испытывала к своим родным...

Но наша жизнь вскоре изменилась. Вскоре всё нажитое добро начнёт исчезать из нашей квартиры.

В нашем доме тогда постоянно были какие-то «гости», кем они приходились нам я не знаю. Предполагаю, что были

ни кем. Собутыльники. Во мне осталось противное ощущение от проходящих и уходящих людей. Мерзких людей.

Со своими «друзьями» родители в очередной раз праздновали что-то. Кто-то потеряет у нас свой зубной протез. Очень дорогая вещь в то время. Мы с Надей найдём его и разобьём топором на чурке. Мы не поняли, что это и просто хотели посмотреть, что внутри. Оно такое розовое было. Мужик тот пришёл и спрашивает, не видели ли мы, переглянулись и обе промолчали. Не фиг было бухать у нас!

Правда, среди всех, была одна интересная семья, которая тоже была у нас в гостях, у них не было своих детей. Они шутили, что возьмут кого-нибудь из нас. Ведь нас уже было много. Мне тогда впервые захотелось, чтобы чужие люди забрали меня к себе, я чувствовала себя чужой в своей семье.

А потом, мне повезло и меня снова взяли в гости.

Мне запомнился их шкаф, наполненный красивой одеждой, ещё, трюмо на котором была косметика и разные украшения, рядом стояла широкая кровать, на которой я спала.

С утра та женщина приводила себя в порядок, и я с большим любопытством наблюдала за всем процессом, который завершился тем, что она яркой помадой наредила себе губы. Я не видела, чтобы мама так ярко наредила.

Помада – любовь многих маленьких девочек! Красная – моя любимая. Мне не хотелось возвращаться домой. Больше я тех людей не видела.

Ту женщину родители называли тётя Люда-Морковка.

Она младшим сёстрам подарила игрушки. Сестра сказала, что в те годы они в общежитии жили, дружили с родителями. Сначала мы были у них в гостях, а потом, когда они съехали с общежития приехали к нам и какое-то время жили у нас в зимовье.

У них ещё шикарный кот был, чёрный, как сибирская ночь. Когда они уезжали, кот не хотел расставаться с нами. Потом рассказали, что он сбежал в дороге. Но дорогу он так и не нашёл, чтобы вернуться к нам. Жалко было кота. Мы его сильно любили. Черныш его звали.

Вспоминаю, что кони стояли в ограде. Они были не наши, чьи были и как долго стояли сказать не могу. Старший брат пошёл поить, я попросилась с ним. Очень любила ходить за ним, в нашей семье, наверное, все за ним любили ходить. Не то, чтобы ходила за ним, как хвостик, но часто просилась, как набиралась смелости, взять меня с собой. Он брал. Страдали от него все одинаково, но ходить всё равно любили! Сашка обладал какой-то магией, словно звездочёт или друид, его доброта перекрывала все его недостатки.

Так вот, посадил меня брат верхом без седла на коня. Конь наклонится к воде, и я по его шее чуть не улетела, как мне показалось, в ведро. Я тогда сильно напугалась. И с того момента много лет боялась лошадей. Однако всегда любила и люблю фильмы про скачки.

Был момент, когда, живя там, напишу о том месте дальше, я начала интересоваться породами лошадей, перерисовыва-

ла их, снизу писала названия, вырезала и играла такими лощадками.

Моё «жутковатенькое» воспоминание. Я маленькая девочка. Просыпаюсь ночью, иду в темноте к фляге и понимаю, что она пуста. Душно, меня мучает жажда, я готова выпить что угодно, чтоб только не испытывать это мучение. В одну такую душную ночь в доме воды не оказалось.

Пока не сделали насос у нас во дворе, мы ходили с сестрой за водой, либо к соседям, либо к маме на ферму. Мне не нравились все манипуляции с тележкой и флягой, там было много сложностей с ней, но всё это исчезало, когда начинала наполняться во флягу вода.

Мы с Надей подвозили флягу к месту, где обычно стояли коровы. Забирались на штуку-установку. Наверху шли трубы и по ним вода, чтобы поить коров, залезая мы крутили сверху барашек. Открываешь кран и вот оно то самое чудо, ради которого я терпела всю неприятную и тяжелую возню – вода срывалась с высоты падала с приятным звуком во флягу, издавая разные оттенки фляжного эха. Тут же в моём воображении возникал целый водопад! Фляга, в которой мы возили воду на тележке, была больше нас с сестрой, но нас двоих, ей было не одолеть!

На ферме пахло навозом, сеном, сыростью, обычный фермерский запах. Как-то мама пустила нас к телятам. И мы кормили их из бутылочки молоком. Маленькие такие, беленькие, с тонкими ножками, хорошенькие глупыши. Ферма

тоже осталась в моих воспоминаниях местом полным чудес.

Ещё, мне нравилось играть на сене. Играла с сестрой. И чего-то даже и в голову не приходило, что наши игры разрушали собранные копна.

Залезешь на копну, и ты властелин мира! Жара, чистый воздух, а ты так, прыг на «пятую точку» и съезжаешь с копыны. Весело! Сено под тобой едет, словно лавина с гор сходит, тебя на себе несёт. Мягко съезжаешь вниз, сверху сено, бац, так и завалит. Пыльно! В детстве мне это очень нравилось.

Весной, ещё живя в старом доме, мы под таким стогом, как-то ящерку увидели. У меня был восторг от ящерки. Она убежит, оставив нам на память кусочек своего хвоста! Этот подарок вызвал у меня ощущение похожее на отвращение, потому что это была часть живого. Я до сих пор испытываю тоже самое, если вижу нечто подобное. Так что врач из меня вышел бы вместе с моей рвотой. Меня очень восхищают люди данной профессии и, если ты даришь здоровье и жизнь всему живому, низкий тебе поклон, мой читатель. Я люблю тебя.

Туда же, на эту ферму мы ходили за грибами, собирали шампиньоны, приносили домой. Нам мама их вкусно готовила, тушила их с картошкой, капустой и репчатым луком.

Мне было обидно, что, когда мама спала с младшим братом – она обнимала его. А когда спала со мной, она убирала мою или свою руку. Я чувствовала душевный холод и как она убирает руку, и от этого мне становилось больно. Я не пони-

мала, почему.

В то время, когда появились младшие, у нас начали появляться поганые и плохие слова. Не помню от кого, но на улице мы слышали отвратительные стишки, и они врезались нам в память.

Родители вели обычную семейную жизнь. Сейчас я могу сказать прямо, что в доме был секс, который видимо сильно заинтересовал маленького брата. Помню, как он шептал мне: я в щёлочку видел....

Мне было любопытно, потому что он сказал, что видел, как кто-то трогал маме попу. Когда ты ребёнок у тебя нет никаких пошлых мыслей. Но есть интерес к происходящему. Меня не секс интересовал, я про него узнаю только в подростковом возрасте, меня смутило само действие, возник вопрос: что правда, что ли, а зачем?

Я пошла с ним, чтобы убедиться и увидеть всё своими глазами, так как братик уже тогда отлично врал, но ничего плохого я не увидела. Мать с отчимом просто лежали на кровати, мать ближе к двери, я увидела её жёлтые пятки и меня затошнило.

Несколько дней картина стояла передо мной, я не могла есть. Так, что моё воображение не было обогащено никакими такими картинками, кроме той, что родители не особо следили за гигиеной ног. Решила, что мне не интересно, что там хочет смотреть братик. Мне не нравился мой младший брат, потому что он был любимчиком, его везде брали с собой, он

плакать и выпрашивать хорошо умел.

У меня начались первые признаки созревания. Я испытывала какие-то странные ощущения, от которых никак не могла избавиться. Противно так. Как правило они мучали по ночам. У детей есть такой период, многие в это время начинают изучать себя и тут взрослые начинают всячески запугивать детей, чтобы они не прикасались к себе. Как было со мной я уже не помню.

Был такой случай. Вечером, по традиции, в пятницу, вся наша семья смотрела телепрограмму «Поле чудес». Я никак не могла найти себе место. Хотела к маме. Но там был Толя. На меня прикрикнули, что мол крутишься, сядь.

В итоге, как-то так случилось, что я отстранилась и села под стол. Хотелось, чтобы меня пожалели и взяли к себе. Но нет. Меня словно никто не замечал. Мне было обидно, что они все вместе, а я здесь, на холодном полу, под столом, одна. Если честно, я хотела таким поступком обратить на себя внимание. Но так и не дождалась его. В общем, я решила притвориться, что сплю, это был один из методов, который я тоже решила использовать намеренно. Когда брат засыпал, его брали на руки и уносили. Я подумала, что меня тоже унесут. Так и уснула.

Проснулась глубокой ночью от холода на полу под столом, меня никто не забрал, никто не взял на свои теплые руки и не отнёс в кроватку. Я тихо заплакала. Я только ещё больше убедилась, что не нужна им. Помню, как чувствовала се-

бя такой несчастной, ненужной, брошенной. Когда успокоилась, встала и пошла в комнату, где все давно спали.

Так, что, все мои задумки проваливались, а что может быть для ребёнка хуже таких вот неудач! Коварный план по захвату внимания опять не сработал! Конечно, в сумме у меня формировалось отношение к себе, как к чему-то чужеродному в этой семье.

Именно в этом доме я всё сильнее и сильнее начала ощущать себя гадким утёнком. Моё отчуждение. Думаю, это случилось ещё и потому, что к нам в гости стали приходиться и приезжать родственники и знакомые родителей, рассматривать нас. Кто-то сказал, что я не похожа на всех. «Не, а это-то не Архиповская какая-то» отчётливо слышала я. «Не похожа». Смотрели на нас из-за стола те гости. «Но, не, смотри, у неё нос, как у деда „картошкой“». Помню само ощущение, что от этих слов мне хотелось закрыть своё лицо.

Мама собирала меня куда-то, собрала мне волосы, кстати, я любила, когда она меня заплетала, и сказала мне, подведя меня к зеркалу: «смотри, какая красивая девочка». Я безумно любила причёску, которую она мне делала.

На сколько я не хотела смотреться в зеркало думаю писать здесь не буду. Так всё ясно. Даже не посмотрев на себя в него, помню, как я сказала себе, что я уродина, не красивая.

Я знала только одно, мама всё врёт, потому что совсем недавно они говорили... Мне так не хотелось смотреть на ту мартышку из зеркала, с картофельным носом, которой я себе

казалась.

Ещё больше начала не доверять взрослым, стала понимать, что взрослые врут.

Я ни раз слышала от взрослых, что о детстве люди забывают, когда становятся взрослыми, мне стало тогда так грустно, я поклялась, что буду помнить себя и всю свою жизнь. Постоянно вспоминала всё, боясь чего-нибудь забыть.

Часть 5

Меня стали ставить в угол, и я начала ненавидеть себя. Ещё, нас сильно начал избивать отчим. Я не помню, как это было со мной, лишь знаю от матери и сестры с братом, что он сильно избивал, да так, что вся синяя была. Как он бил брата и сестру, я не помню. У меня только осталась телесная боязнь мужчин.

С сестрой мы гуляли меньше, но гуляли. Как-то нас вдвоём в магазин за хлебом послали. Надя его купила и выйдя из магазина дала мне две булки хлеба. Одну снизу, а вторую сверху, в общем, всё на меня сгрузила. Деревенские булки это не городские. Они ого-го какие здоровенные были! Мне тяжело, сестра идёт налегке, истории рассказывает. Идёт и на сад пальцем тычет: это мой сад, мы с тобой туда скоро за вкусными яблочками пойдём.

Я глазки выпучила и с восторгом смотрю на те деревья, где же яблочки думаю про себя, при этом пытаюсь справиться со своей ношей. Я не видела, что она между буханок деньги положила, сдачу. Пыхтела-пыхтела, сопела-сопела, успеваю истории слушать и с хлебом бороться.

Устали ручонки, я естественно ни о каких деньгах уже бы и не вспомнила, даже если и знала бы. Разделила и взяла по булки под каждую «мышку». Чувствую облегчение. Иду довольная. Говорю сестре, смотри, как я ловко придумала.

Смотрит она на меня и одобрительно качает головой, и в самом деле ловко. Идём и тут её словно ошпарило «Алёнка, а где деньги?!». Где, где, улетели деньги! Искали, так и не нашли. Я сначала от Нади получила, всю дорогу она меня лупила, а потом ещё и от мамы досталось.

Мы многое с Надюшкой пережили смешного и грустно-го. С моей старшей сестрой-выдумщицей вряд ли заскучать можно было, и мы помнится мне, были не разлей вода, куда нам друг от друга деться. Я хоть и дулась на неё со старшим братом, но всё равно любила.

Было, что мама пол красила в нашем новом доме. Одна сторона у порога подсохла, вторую только покрасили. А мы с Надей играли, она мне что-то рассказывала. Ну, и как-то забылось, что мама про порог наказ дала. Мы сели на порог беседы задушевные вести. Я на сухой стороне, а она на окрашенной сидим. Да, долго мама пыталась выяснить, чья «попа» была запечатлена на пороге. А мы как-то не хотели подводить друг друга, но и ничего ей не сказали. Мы те трусики вместе спрятали подальше за шкаф, чтобы мама не догадалась, что это были мы. Она поддала нам обеим. Я не жаловалась на сестру, а она никогда не жаловалась на меня.

Помню, случилось так, что сестра играла со мной на кровати. Мы за край держимся и вокруг друг за другом в «догоняшки» ходим. Тут Надя, думая меня обхитрить решила через кровать залезть. Резкое движение и вдруг зависла. Благо, что она за трусики свои подцепилась, убилась бы разом.

Я медленно слезаю с кровати и отхожу в сторону. У самой дыхание перехватило, смешно до безобразия! Истерический смех так и рвётся наружу. А сколько счастья-то в моих глазах! Она беспомощно, висит, всё её величие передо мною пало.

Надя хитрая была, чуть что ласковым словом звала. Так что и в эти минуты мне послышалось «Алёнушка, миленькая, ну подойди ко мне, помоги мне, пожалуйста, солнышко».

Я стою и думаю «идти не идти», самой страшно, а она видит, что я колеблюсь и не иду, а ей уже быстренько надо, висит уже сколько, ага, сейчас мама зайдёт, так она и рявкнет на меня «а ну иди сюда, дебилка, корова бестолковая, вот слезу, дам тебе „трей“!».

Вот-вот, давай над этим просто посмеёмся! Забавная ситуация. Тогда-то меня тут же прошибло дрожью, всё, думаю, конец света настал.

Надя обычно толкала двумя руками и по лицу била. Если первые удары ещё можно было перетерпеть, то с каждым ударом ладони становились горячее и прижигало хорошо. Поэтому я расслаблялась и впадала в состояние бесчувственности.

Под конец я становилась просто безвольной и меня можно было уже бить и бить, я не защищалась. Видя мою беспомощность, сестра тут же бросалась ко мне и начинала успокаивать, но боль была на столько сильной, что моя психи-

ка просто вырубала датчик чувствительности. Я сопротивлялась её ласкам и это сильно раздражало сестру, поэтому почувствовав, что я скована, и что я как камень, она снова отталкивала меня.

У нас в деревне ещё и рыбная ферма была, там разную рыбу в ваннах выращивали. Кажется, это был рыбзавод. Мне запомнилось это название. Сестра про осетров рассказывала. И где-то в тех краях однажды мы будем купаться. Там были такие штуки сделаны, условно назову их «бассейнами». Они были квадратной формы. По краям были выложены бетонные плиты. Вода была не во всех.

Мы пошли в те края купаться. Надя тогда мамину «комбинашку» одела, так называлась ночная рубашка, лёгкое платьице, оно было жёлтеньким и пока мы купались подошла корова. Нам так и не удалось забрать у неё комбинашку, хоть и тянули обе, она её съела. Странная корова!

Пошли домой без неё. Сначала боялись идти, медлили. Ну, а что поделывать идти-то всё равно пришлось. К нашему счастью, мама так и не хватилась её.

С Сашкой ходили на речку. Там ещё ребёнок нырнул в камеру, их использовали как надувные баллоны для бассейнов, которая стояла на мели. Ударился головой и отключился. Сашка ему спас жизнь, вытащив его за ноги. Там какая-то запруда была, и мы в ней плавали, как лягушата. Сашка улиток жарил, нахваливал гусениц, говорил, что на вкус они, как жаренный лук. Ловили головастика. Охотились на водоме-

рок. Ещё, я тогда познакомилась с растением, оно на болотистых местах растёт. Вытаскиваешь его из воды и кушаешь сочные белые побеги. Его вкус мне не описать. Но съедобно было.

Я уже привыкла, что меня всё время обижали старшие. Я это так воспринимала. Поэтому, сначала я копила в себе отвагу подойти к ним, но заканчивалось всегда одинаково, от их ответов у меня замирало сердце, перехватывало дыхание, начинала трястись нижняя губа и наружу рвались горькие слёзы, я очень обидчивой была, моя тонкая натура, остро реагировала на грубые слова и насмешки, это забавляло старших, но я держалась до последнего, унося весь ком с собой в своё горле.

Всю свою жизнь я слышала, что не надо плакать и потому сдерживалась, слёзы бежали сами, бывало, что за них я получала. Так, я получала запрет на слёзы. Каждый раз во мне была борьба, между желанием от души поплакать и желанием запретить себе это делать.

Тем не менее, во многом благодаря сестре и брату моё детство всё равно было волшебным и счастливым. Да и мама, у меня в большей степени, ассоциируется с хорошими воспоминаниями.

Что случилось с нашими родителями для нас, конечно, было головоломкой, жизнь менялась, менялась и изменилась на столько, что жить с родителями стало просто не безопасно.

Часть 6

Родители начали пить чаще. Веселье каждый день. Только не унывай, мой читатель. Давай пройдемся по всем хроникам на позитивной волне!

Дом пустел день ото дня: всё нажитое добро было пропито родителями. Фокусы, да и только! Я помню, как подходила к серванту и видела, что там ещё одного набора нет, сервизы просто исчезали, а потом снова и снова, вот и сервант пуст, а после и он исчез. Родители у нас были ещё те фокусники!

В зале стало пусто, остался только старый большой шкаф песочного цвета. На Новый год, нам ёлку принесли, мы ждали, когда родители нам поставят её, чтобы наряжать. Но так и не дождались. Родители уже во всю праздновали Новый год в отличие от нас. Ну мы с сестрой и взялись всё украшать сами. Дед Мороз скоро придёт, а у нас ёлка не наряжена!

На пластилин, что ли, прилепили звёздочки к стенам. Лепили звёзды, сейчас смешно, клеишь вторую, первая отваливается! В итоге прилепили. Они были похожи на корзиночки для салатов. Те блестящие звёздочки-розетки, пусть у них будет такое название, были чуть больше наших ладошек.

Зрелище конечно: пустая холодная комната, со звёздочками на стенах, приклеенных нами, и валяющаяся ёлка посередине, вокруг которой ходим мы с сестрой, рядом коробка игрушек из кладовки и мишура, серьёзные, как генералы.

Две коротышки, которые смотрят на ёлку и думают, как бы её поставить. Догадались!

Детский ум и пытливость, вперемешку с наивностью и бесконечным энтузиазмом, а ещё и таким воодушевлением, как у нас с сестрой, ни властно ничему, ничто не в силах победить нас.

Поставили бидон, в него поставили ёлку, и натолкали тряпок из шкафа. Литровый бидон! Стоит наша ёлка! Как мы гордо переглядывались тогда с ней, это ж надо было видеть! Довольные. Постояли, полюбовались и дальше за работу. Начали наряжать. Вытащили советские игрушки. Ну, думаем, мама обрадуется, мы ёлку, сами, нарядили! Ну и дочурки скажет мама! Дед Мороз с подарками придёт, таким хорошим девочкам-то точно подарки оставит.

Тут я немного отвлекусь и вспомню, как сидела, когда-то у стола и смотрела на чудесные иголки и красивый наряд ёлочки, которая стояла на столе. Когда-то и такое было. Но и тогда я родителей не помню, где они были, писать не буду, не потому что их маршрут уже давно известен, а потому что реально об этом не знаю.

Перенесёмся снова в комнату. Поставили ёлку. Обе довольные. Игрушки нарушили её равновесие, и она раз и упала. Игрушки вдребезги. У нас с сестрой так и хлынули слёзы на глаза. Не потому, что от матери влетит, а потому что ёлки-то нет, куда Дед Мороз подарки ставить будет? Как хоровод водить теперь? Не стоит ёлка и всё. Не получается...

В итоге, мучились-мучились, оно ж нам очень надо. Собрали разбитое стекло от игрушек, нарядили в то, что осталось, и перепробовав всё, облокотили ёлку на стену. Ура! Праздник! Хоровод, конечно, уже не поводим, ну ладно, и так сойдёт. Главное, что подарки поместятся.

Саша, увидев ёлку, тоже не растерялся, тут же нарядился в Дед Мороза. Подарки принёс: кому старый тапок, кому перегоревшую лампочку, никого не обидел!

Кто-то там пытался мямлить, мол Дед Мороз, ты чего, подарки то, не те! Не волшебные они какие-то, уж больно на наше всё похоже. Возможно, это Сашку потом и расстроило.

Сашка усы себе из ваты сделал, которую достал из матраца, костюм собрал, всякое тряпье на себя одел. Ну и Сашка, да, смотри, не Сашка это, а Дед Мороз настоящий, так мы говорили тем, что младше.

А потом Сашку «замкнуло», у него иногда так бывало: сначала, что-нибудь хорошее сделает, а под конец, какую-нибудь серьёзную пакость затеет. Не просто пакость, а такую дурь устроит, откуда в нём столько было.

Я в такие моменты, отключалась от реальности, словно счётчик вырубала, на столько для меня всё это было неправильно и невыносимо. Поэтому, дальше запомнилась только мерцающая лампочка, раскачивающаяся во все стороны на потолке, его издевательский хохот и слёзы униженной сестры «Сашка! Не надо! Пошёл вон!». Я стояла в диком ужасе от происходящего.

Животных уже давно не стало, забили и мяса, как не было! Говорю же, фокусники! Мама чистила брюху и варила нам с неё похлебку. Сестра Надя носик закрывала, кушать отказывалась, говорила, что оно навозом пахнет, есть не буду, а мне с голоду, она в самый раз. На безрыбье и рак рыба. Чего выпендриваться!

Родители ещё чаще стали оставлять нас одних, голодных дома и уходить в запои. Мы сидели под замком. Знаешь, как страшно это. Загорится дом, дома же печка была, а бежать не куда. Я тогда всё думала, что будет, если сильно стукнут в дверь или окно, сломаются они или нет.

Смотрю как-то в окно на веранде, а напротив нашего окна в луже дети купаются «белобрысые» и смеются. Плескаются, как лягушата. Грязью друг друга на голову поливают. Волосы коричневыми стали. Мне стало смешно, я сестру позвала. В нашей деревне тогда семья была, там было одиннадцать детей и все похожи, вот это они и купались.

Я ни раз была с родителями у разных людей, родители пьют, а я сижу рядом. Потом начинались долгие утомительные беседы. Меня жизни учили. Ненавижу пьяные лица. Согласись, читатель, приятного мало. Мне спать хочется, а я всё жду и жду, когда же домой пойдём.

Бывало, что нас детей в гостях родители перед телевизором усадят, а сами уйдут сидеть за столом. Мы тогда ещё к какой-то соседке ходили вечерами телевизор смотреть, своего ещё не было.

В гостях оно, конечно, хорошо, а дома лучше! У нас же было, что лучше мне было только тогда, когда я вставала ни свет ни заря и уходила одна играть в канаву у дороги, там ров был, в нём цветочки росли, и ещё дорожный знак валялся. Мне нравилось сдирать с него краску, она светилась на солнце.

Когда дома кушать было нечего, я воображала, что иду в тот самый ров и нахожу, что мои необычные друзья принесли мне кучу всякой еды. Ров изобилия. Открою глаза и опять почувствую боль в животе. Кушать хочется. Мне тогда снились яркие сны, в которых я жила в волшебных краях.

Было ещё, что мы на поле ездили, картофель садили, я обещала об этом написать, мама и ещё какие-то взрослые, там конечно тоже выпили. Обратно идти слишком далеко было. Никто не останавливался. Она «попутки» ловила. Отчаянная видать у меня мама была. Взяла и встала прямо на дороге со мной, когда увидела машину, «камаз» остановился!

Помнишь картину из фильма операция «ы», где они втроем посреди дороги стоят? Моё сердце тогда не то, чтобы в пятки убежало, оно под ведро спряталось, которое мама поставила посредине, сев на него!

Вернулось, когда меня посадили в кабину! Как же круто-то было! Вау, высоко. Так я всё больше и больше влюблялась в дорогу и всякую тяжёлую технику. Больше я ни разу не ездила в своей жизни на «камазе».

Как-то мы сидели за столом. Классно так, огромная семья за одним общим столом. Мама открывала кильку, может быть кто-то узнает сейчас из читателей, она была в таких больших банках. Толя только спинки ел. Родители его ласково называли «спиногрыз», это звучало действительно, как-то нежно и означало нечто доброе.

Родственники приезжали, в советской авоське пирожные тогда привезли «эклеры». Вау! За этим столом много было теплоты. Картошку из одной сковороды ели. Макароны. Суп в пакетиках. Обед за общим столом – это очень круто, даже, когда ты беден.

Сидим и кушаем, в кухню внезапно вкатывается арбуз. Отчим купил и хотел сюрприз сделать. Так Толяшка и бросился за ним. Ударился и заплакал. Неудачно вскочил. Он хоть и гад был, но такой миленький, а как плакать начинал, так сердце просто разрывалось на кусочки. Щемило очень. Все бросились его успокаивать, он быстро успокоился, и мы принялись есть арбуз.

Часть 7

Родились ещё две сестры. Сначала Катя появилась в нашем доме. Смешная была. Подойдёт к маме и весёленько так скажет, подпрыгивая у маминых коленей: лиг-дык-дык! Мол возьми меня на руки. Летом её было не одеть.

Только родители наденут на неё что-нибудь, так она снимет всё с себя и бежать за ворота. Так задорно хохотала. Наверное, я в неё тогда-то и влюбилась. Соседи её несколько раз одевали и приводили. Думали, что одеть не во что, наверное. А она опять, сбросит всё с себя и бежать голышом за ворота. Бегают за ней, ловят её. А её весело. Только и успевает ножками перебирать. Игрался ребёнок! Внимание, как никак!

Как-то сидим за столом и кушаем, Катя держит ложку, качает её и не смотря на маму, как заезженная пластинка говорит: мама, дай мне мяса, мама, дай мне мяса.

Это действие можно представить так, берёшь ложку в кулачок и покачиваешь её, словно хочешь ударить по столу, требуя похлёбки. Всё происходило медленно. Мама положила Кате добавку в ложку, и она тут же вышвырнула всё в стену. «Мама, дай мне...». Вжих! Мама не выдержала, как рывкнет! Катюшка притихла и заплакала. Не надо ей больше мяса, словно крупные алмазы посыпались из её глаз капли слёз. Успокоили и дальше есть.

В это время, бывало, что мы гуляли всей семьёй, ходили в магазин, нам брали вкусности, кто на руках, кто рядом, нас целый табор.

Спали все вместе на кухне на полу. Родители расстелили матрасы на кухне, возможно, что тогда просто дом был ещё до конца не готов и кроватей ещё не было. Нам посылку дали, как малообеспеченной семье, огромная коробка. Стояла высоко при высоко! Столько там «вкусняшек» было. Вот мы лежим с родителями и «вкусняшки» едим. Сказочное видение детёныши и их родители.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.